

*Р.М. Ханинова,
Калмыцкий госуниверситет, Элиста*

УЧЕБА КАК ФАКТОР ПОЗНАНИЯ СЕБЯ И МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ХОНИНОВА

Теме учебы, образования посвящены многие произведения калмыцкого писателя Михаила Ванькаевича Хонинова (1919–1981) в поэзии, прозе и публицистике, воспоминаниях. В одном из стихотворений он, обращаясь к народной мудрости, призывал: «С детства сына учи – чтобы стал он умен. / Жеребенка расти – скакуном будет он. / Пусть они сохраняют в великом и в малом / Верность делу отцов, по стопам их идут, / Пусть врага побеждают! И люди начнут / Братом звать человека, коня – Аранзалом» (пер. А. Наймана)¹

Поэт разговаривает с природой, как с мудрым собеседником: «Ты, Дон, как мой столетний дед. / Беседуешь со мною мудро...» («Дон», пер. А. Наймана)². И находит подтверждение своим мыслям и чувствам: «Я слышу дружеские речи, / Участие к моей судьбе»³. И открывается лирическому герою удивительное видение: «Я вижу: отражен водой, / Мой дед проходит шагом твердым, / Слились вы в песнопенье гордом – / Ты, Дон, и джангарчи седой»⁴. Колыбельная для поэта сродни самой природе: «А воды и трава о чем-то шепчут так, / Как наши бабушки шептали нам над зыбкой»⁵ («Весна калмыцкая», пер. А. Наймана). Жанр колыбельной по-своему совмещает жанр благопожелания младенцу, выполняет функцию магического оберега.

В автобиографической прозе «В степи калмыцкой я родился...» Михаил Хонинов вспоминал о детстве. «Во время цветения тюльпанов, во второй половине апреля того же 1919 года, когда мне было три с половиной месяца, наши хотонцы кочевали от одного пастбища к другому, навьючив свои кибитки на верблюдов. Караван шел всю ночь, пастбище оказалось далеко. Перед рассветом мама уснула на выюке, а на верблюде ехать приятно, тепло, словно в колыбели, и... уронила меня.

Верблюд – умное животное, на живое никогда не наступит, всегда перешагнет»⁶. В стихотворении «Разве не узнаю?» лирический герой выразил свою благодарность родной земле, спасшей его в младенчестве: «Я упал на пырейную землю / (мать-земля не была мне тверда), / всей душою сыновнею внемля, / что мне травы шептали тогда»⁷ (пер. А. Николаева). Преемственность поколений он видит в том, что «в каждой капле, травинке и ветке / кровь сердец. / пот натруженных рук. / Эту землю вручили нам предки. / Я – прямой их наследник и внук»⁸. Залогом жизнестойкости народа становится память. «Только нам не мешало б почаще / вспоминать свой глубокий исток. / Если корень сосны настоящий. / не страшны ей жара и

песок. // Среди нас же нет-нет и найдется / тот слепец, что по жизни идет / и под носом не видит колодца, / из которого с жадностью пьет»⁹. Обратная связь представляется поэту воплощенной метафорически в курганах захоронений: «И мне кажется даже порою: / не курганы над степью стоят, – / наши предки на внуков-героев / с одобрением молча глядят»¹⁰.

Вспоминая о раннем детстве, Михаил Хонинов отдал дань своей няне-веревке. «Врезалось в память мою, как мама нас, двоих малышей-сыновей, во время дойки коровы привязывала волосяным арканом к кибитке, чтоб мы не попали под ноги сердитых быков и нетелей»¹¹. В стихотворении «Моя няня» в переводе Николая Поливина он подчеркнул временную протяженность разлуки с матерью, работавших на богатеев, и длительность общения с веревкой: «Уже за полночь / возвращалась мама / И разлучала с нянею меня»¹². Это произведение интересно во многом: этнопедагогика, ментальный компонент, этнографическая деталь, магический элемент, поскольку веревка-зель для скота-молодняка коррелировала с определением родственных отношений в калмыцком роду (зель-үй)¹³. Термин «зель-үй» – «поколение по привязи» обозначает понятие близкого родства по мужской линии (четвероюродные братья). Наш перевод этого стихотворения ближе к оригиналу в передаче национальных нюансов. «Взвалив все трудности на плечи теперь сам, / Я вспоминаю маму и взрослою»¹⁴, – акцентирует лирический герой мотив сыновней памяти. А родство со всем живущим явлено в заключительных строках: «А конь, привязанный, призывно вдруг заржет – / веревку снять бегу с него проворно...»¹⁵.

В начале тридцатых годов, как вспоминал поэт, «ходил в школу через колхозную степь, быстро оставляя позади несколько километров, холмики и балки...»¹⁶.

По признанию М. Хонинова, стихи начал писать с двенадцати лет, со школьной скамьи. «Редко выходила школьная стенная газета без моих длинных стихов. В стихах первым долгом восхвалял учителя, хотя учителя в начале тридцатых годов были слишком строгими: за незнание и нерешение той или иной задачи ставили ученика в угол, сильно стыдили. Несмотря на все это свои добрые чувства к учителю за то, что он нас учит писать, решать задачи, я выражал любовными стихами. Также бичевал неуспевающих, стоявших лицом в угол.

Через несколько десятков лет вспоминаю школьную жизнь добром, с открытыми глазами и сердцем. Как старались учителя, чтобы мы, дети, учились, любили школу. Они мечтали так же, как наши матери и отцы, о том, чтобы мы в будущем стали образованными. “Кто-то из вас, когда вырастет, будет учителем. Кто-то будет агрономом или врачом...”. Так часто говорил мой любимый учитель Манжи Кеглдженов. А я с задней парты поднимал руку: “Хочу быть трактористом”. Потому что в нашем селе тогда впервые с большим шумом появились сталинградские колесные трактора. Мы за ними бегали, дотрагиваясь на остановках руками до зубцов колес»¹⁷. Об этом желании М. Хонинов писал и в очерке «Мой товарищ профессор Эрдинов»¹⁸.

Но судьба распорядилась иначе. В очерке «Разговор с отцом» (1977) писатель утверждал, «Отец сам настоял, чтобы я и мой брат Лиджи учились на артистов»¹⁹. И была вероятность, что братья станут музыкантами. «Все в нашей семье, кроме меня, хорошо играли на различных инструментах. И поныне помнят земляки, что в семье Хонинова все играют и пляшут, люди в шутку говорили, что даже телята возле нашей кибитки танцуют на привязи. Сам отец играл на калмыцкой домбре, в руках мужчин домбра звучит сильнее, нежели в женских, – звук разносился далеко по степи. Но еще лучше он владел скрипкой. Желание отца было, чтобы мы стали скрипачами, грамотными, а не самоучками, как он.

Преподаватели техникума обнаружили в нас какие-то музыкальные способности. Я занимался на скрипке, а брат – по классу фортепиано. Позанимались более месяца. Лиджи уже сидел в аудитории актерского отделения, а потом и я перебежал туда. Показалось легким сценическое дело. Теперь эту ошибку непоправимую я исправляю прослушиванием симфонического оркестра и соло скрипки знаменитого Когана»²⁰.

О времени учебы в Калмыцком техникуме искусств Михаил Хонинов писал в романе «Помнишь, земля смоленская...» (1974), в очерках и воспоминаниях. «Когда я приехал на грузовике в белокаменную Астрахань, радости моей не было предела. Порою про себя удивлялся, как я попал сюда, в этот прекрасный русский город Астрахань, прямо с телеги на шумную улицу. Для меня это была живая сказка – учиться в городе. <...> Астрахань – это город моей юности, где я познавал богатую культуру русского народа. Часто бывал в музеях и театрах. Преподавали нам русские наставники с большой любовью и уважением»²¹.

Калмыцкий техникум искусств находился на улице Суханова, 29. «Наш двухэтажный каменный дом с деревянным забором стоял недалеко, совсем рядом с медицинским институтом»²², – вспоминал позднее М. Хонинов.

Любопытна была реакция старшего брата на приезд младшего брата в Астрахань.

«– Пришло золотое время, сынок, взяться за сургаль, – сказал отец Мутулу. – Знай: неученый – что человек без глаз. Поезжай в Астрахань, там твой брат, будешь разговаривать и писать по-русски. В мое время – время царей и ханов – нам и думать об учебе было нельзя. А теперь другие времена. Можно бедняку и надо учиться, как сказал товарищ Ленин...

Для Мутула слово сургаль – учение – прозвучало, как имя Аранзала – легендарного, не устającego коня, на котором можно объехать весь белый свет.

Приезд Мутула был неожиданностью для брата.

«Зачем он здесь? Зачем двум человекам из одной семьи быть артистами?» – думал он.